

17. Usmanov R.Kh. Regionalnyy partogenez v politicheskom protsesse sovremennoy Rossii (Yuzhnyy federalnyy okrug v 1990–e gody). – M.: Prometej. MPGU, 2002. S.– 302s.
18. Usmanov R.Kh. Etnopoliticheskaya bezopasnost Yuga Rossii v aspekte vliyaniya molodezhnykh radikalnykh obedineniy na migratsionnye protsessy i konfliktogemnost // Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura. 2013, № 4 (37). S. 44–54
19. Elitologiya Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya (Materialy Pervogo Vserossiyskogo elitologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiem, 7–8 oktyabrya 2013 goda, YuRIF RANKhiGS, Rostov–na–Donu). Tom 1, 2. Rostov–na–Donu, Izdatelstvo YuRIF RANKhiGS, 2013.
20. Elitologiya: Entsiklopedicheskij slovar. /Pod red. prof. P.L. Karabushchenko. – M.: «Ekon–inform», 2013. – 618 s. (77,5 p.l.)
21. YuFO umenshilsya na sem regionov Severnogo Kavkaza // Komsomolets Kaspiya. № 6 (6547). 22 yanvarya 2010 g.

НАУЧНАЯ ЭЛИТА ЭПОХИ ЗАКАТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Карбущенко Павел Леонидович, доктор философских наук, профессор

Астраханский государственнЫЙ университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E–mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

Вартумян Арушан Арушанович, доктор политических наук, профессор

Северо-Кавказский федеральный университет (филиал в г. Пятигорске)
357503, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. 40 лет Октября, 56
E–mail: pragpu@mail.ru

Величие любой империи складывается из целого ряда структурных факторов, среди которых особое место занимает качество развития науки и образования. Этот фактор со всей своей наглядностью проявляется в научной элите и в её взаимоотношении с властью. И у каждой империи свой опыт отношений научной элиты и власти, свои культурные традиции и свои научные новации. Российская научная элита последних десятилетий существования русского самодержавия демонстрирует нам взлет научной мысли и культурной самостоятельности. Недаром это время принято называть «серебряным веком» в русской культуре. Взлет этот был прерван русской революцией, отбросившей развитие научной мысли России на целые десятилетия назад. Рассмотрению этих особенностей и посвящена настоящая работа.

Ключевые слова: ученый, научная элита, власть, элитарное образование, личность, творчество, персонализм, русская монархия

SCIENTIFIC ELITE OF THE RUSSIAN EMPIRE SUNSET ERA

Karabushenko Pavel L., D.Sc. (Philosophy), Professor

Astrakhan State University
20a Tatischeva st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E–mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

Vartumyan Arushan A., D.Sc. (Political Science), Professor

North-Caucasus Federal University (branch in Pyatigorsk)
40 let Oktyabrya ave., Pyatigorsk, 56357503, Stavropol Region, Russian Federation
E–mai: pragpu@mail.ru

The greatness of any empire is made up of a number of structural factors, among which a special place occupies the quality of science and education. This factor with all its evidence is seen in the scientific elite and in its relations with the authorities. Each empire has its experience of the relations of the scientific elite and the power, their culture and their scientific innovations. Russian scientific elite of last decades of the Russian autocracy shows us the rise of scientific thought and cultural performances. No wonder this time is called “The Silver Age” in Russian culture. Its take off was interrupted by the Russian Revolution, having stopped the development of scientific thought in Russia for decades. The given work is devoted to the consideration of these issues

Keywords: the scientist, the scientific elite, power, elitist education, personality, creativity, personalism, Russian monarchy

Время, стоящее на рубеже XIX и XX вв. охватывает эпоху заката Российской Империи (РИ), когда вызревал тот самый духовный и политико-экономический кризис, в конечном итоге приведший ее к ужасам русской революции 1917 г. Главная цель нашего проекта показать, кто и как правил в то время Россией, и почему плоды этого правления оказались столь печальны. *Объектом* нашего настоящего исследования являются представители научной элиты имперской России последних десятилетий ее существования. Указанная тема определяет и выбор самих методов исследования. Историческая компаративистика позволяет нам проводить необходимые сравнения качества элитности, а задействованный в исследовании биографический метод помогает не просто проникнуть в подробности частной жизни, но и раскрыть секреты творческой мастерской выдающейся научной личности. Для анализа последнего мы также обращаемся к методам русского персонализма (Н.А. Бердяев) и герменевтики (Г.Г. Шпет), авторы которых сами были представителями научной элиты этого времени.

Научная элита: российские «семейные традиции»

Традиционно научную элиту определяют как цвет и гордость научной мысли. К ней причисляют тех, кто внес существенный вклад в развитие научных знаний, кто на века вошел в научные скрижали, стал уважаемым авторитетом в своей области научной деятельности. И за каждой такой элитной личностью стоит отдельная биография, своего рода летопись ее научных достижений, раскрывающая нам тайны ее творческой лаборатории, тернистый путь признания, борьбу продвигаемых ею идей и т.д. В нашем понимании, научная элита – это самое продвинутое творческое меньшинство, обязанностью которого является производство уникальных идей; поиск адекватного ответа на вызов своей эпохи; создание духовной «подушки безопасности».

Наука и ее элита это область настолько специфической деятельности, что она ни с чем несравнима. Субъект научной элиты – это абсолютная интеллектуальная творческая самодостаточность, это «вещь в себе» («*chose en soi; cosa in se*»). Ученый как «вещь в себе» обладает полной самостоятельностью и стремлением других проникнуть в смысл его творчества, разгадать его исходный замысел. И в этом смысле он становится для других феноменом – явлением, которое способно оказать особое на них влияние и с которым они вынуждены считаться в силу его особой значимости.

Объективно оценивая умственные способности имперской элиты последних десятилетий существования РИ, можно уверенно сказать – были всякие и было всякое. Достоинство интеллекта растворяется (обесценивается) перед подлинно высоким умом, который критически оценивал дарование нижестоящих лиц. Особенно было много вопросов к чиновничеству, которое пыталось руководить развитием науки и образования.

Как правило, представители научной элиты получали классическое образование (гимназия – университет), после чего проявляли свои уникальные способности в защитах научных диссертаций. И всегда это было проявление системного подхода в реализации своих научных способностей. Причем каждый из них представлял отдельно функционирующую систему, которая вписывалась в общую систему российской науки. И каждая такая система была настолько самодостаточной, насколько ей требовалось, чтобы быть элитой.

Российская наука как губка впитывала в себя всё самое ценное в европейском опыте. Несомненно, учителями русской науки были европейцы. И со временем деление на европейское и русское начало стираться, просто потому что европейская научная мысль, придя в Россию, стала здесь русской, а русская мысль – европейской. Интеграция умов – самая сложная, но одновременно и самая желанная системообразующая сила. Само университетское образование закладывало основы будущей научной элитности. Ко второй половине XIX в. в России уже сложились свои университетские традиции, был накоплен опыт самовоспроизводства научной элиты, большая часть которой была как раз и сосредоточена в высших учебных заведениях России. Университеты Москвы, Санкт-Петербурга, Казани – стали эпицентрами притяжения передовой научной мысли того времени. Для «шлифовки» своего образования многим русским ученым приходилось проходить стажировки за рубежом, знакомясь с передовым опытом современной им европейской научной мысли. Такая практика стала традицией в предреволюционные десятилетия русской истории, свидетельствуя об открытости всей этой системы.

Научных самородков в России всегда хватало. Они появлялись как из народных низов, так и из дворянско-интеллигентской гущи. В это время в России были сделаны такие важнейшие научные открытия, как: в 1876 г. первая в мире электрическая лампочка (П.Н. Яблочков) [лампочка Эдисона зажглась в 1878 г.], в 1879 г. первый в мире бензиновый двигатель (С.О. Костович), крекинг-процесс для переработки нефти в легкие фракции (В. Г. Шухов),

в 1906 г. первый в мире автомат (В.Г. Федоров) и, наконец, первая в мире женщина – профессор (С.В. Ковалевская, 1884 г.), в 1894 г. изобретено радио (А.С. Попов) [Г. Маркони запатентовал свое изобретение в 1895 г., хотя до этого еще в 1891 г. Н. Тесла теоретически обосновал этот принцип]. Изобретения на уровне мировых разработок. Другое дело, что местные власти совершенно не обратили на них внимание, а деловые круги не увидели возможную коммерческую выгоду. В этих двух минусах и заключается главное несчастье русской научной элиты: власти не видят, а деловые круги – не замечают.

Особой строкой следует отметить меценатство, которое в то время было развито здесь. Одним из топовых меценатов того времени был крупнейший российский финансист и промышленник, управляющий Государственным банком России (1860–1866) барон А.Л. фон Штиглиц (1814–1884). Своими многочисленными пожертвованиями он поддерживал образование, искусство и науку. Он пожертвовал на первоначальное устройство центрального училища технического рисования 1 мил. руб. Известно, что госсекретарь Российской империи А.А. Половцев (1832–1909) как-то записал в своем дневнике: «Россия будет счастливой, когда кушцы будут жертвовать деньги на ученые и учебные цели без надежды получить медаль на шею» [6]. Сам он тратил большие средства на благотворительные и образовательные цели. Так за счет его личных средств с 1896 г. издавался «Русский биографический словарь». Попутно отметим, что сам А.А. Половцев был женат на приемной дочери барона А.Л. Штиглица Н.М. Июновой (внебрачной дочери великого князя Михаила Павловича), поэтому сам имел протекцию в высших кругах российского общества.

В России в это время бурно начал развиваться жанр научных биографий. Личности некоторых выдающихся ученых так впечатлили их учеников и последователей, что последние отметились целым рядом прекрасных работ воспоминаний, на страницах которых были зафиксированы бесценные свидетельства творческой активности научной элиты тех лет. К числу таких наиболее удачных текстов следует назвать сборник материалов к биографии великого русского философа XIX в. В.С. Соловьева [3].

Весьма часто упоминает о представителях научной элиты в своих «Воспоминаниях» и министр финансов (1892–1903) и председатель Комитета министров (1903–1906) Российской Империи граф С.Ю. Витте (1849 – 1915). Витте в юности серьезно занимался математикой и даже стал кандидатом наук. [4] Избрав в дальнейшем карьеру чиновника, он через всю жизнь сохранил интерес к этой своей первой профессии – профессии ученого. Он всегда отмечает, кто из чиновников и политиков Русской Империи имеет ученую степень или опыт преподавательской работы. Среди его подчиненных был например, Д.И. Менделеев, о котором граф весьма лестно отзывался. Сделанные им зарисовки некоторых образов представителей русской научной элиты представляют несомненно историческую ценность и являются примером погруженного наблюдения за элитой [4, с. 509–510]. И таких наблюдений в мемуарной литературе тех лет наберется предостаточно. Более того, многие политики желали прославиться не только на чиновничьем поприще, но и на научной стези. Многие русские аристократы были увлеченными людьми и находили время для хобби. Так, министр иностранных дел (1895–1896) РИ князь А.Б. Лобанов–Ростовский (1824–1896) и госсекретарь А.А. Половцев «стремились привязать свои имена к фаланге русских историографов» [4, с. 26].

Русская наука устанавливала родственные отношения с русской культурой точно также, как родовая знать вступала в браки с политическим классом. Серебряный век русской культуры это удивительный сплав литературы, философии и науки, когда творчески одаренная личность могла одновременно с успехом заниматься и литературой, и философией, и наукой (В.С. Соловьев). Возникали целые научные династии, которые самым непостижимым образом сплавившие научную мысль с искусством, раздвинувшие горизонты духовной жизни общества. Обязанностью научной элиты как раз и являлась раздвигать горизонт знания, обеспечивать стратегическую безопасность человечества от возможных деградиционных тенденций.

В России были семьи, специализировавшиеся на научной и культурной деятельности и достигшие в ней действительно элитных высот. Каждая такая семья была своеобразным очагом русской культуры. В такой интеллигентной семье мы находим сразу несколько поколений деятелей науки и культуры, вписавших свое имя в историю России. Это не только семейное чтение прогрессивных литературных журналов, но и самостоятельная творческая деятельность. Самым известным случаем такой семьи является семья московского профессора истории С.М. Соловьева.

Дети таких родителей учились ходить, говорить и читать одновременно. А дети профессора С.М. Соловьева стали действительно «золотым» достоянием России. Его старший сын Всеволод (1849–1903) станет известным романистом, автором исторических романов и хроник. Младший сын Владимир (1853–1900) – выдающимся русским философом, историком, поэтом, публицистом, литературным критиком, сыгравшим значительную роль в развитии русской философии и

поэзии конца XIX – начала XX вв. Дочь, Поликсена Сергеевна (1867–1924) – поэтесса и художница. [16, с. 39–53] К этому следует добавить, что учеником С.М. Соловьева, который был вхож к нему в дом и входил в ближайший круг общения, был в будущем другой выдающийся русский историк В.О. Ключевский. Элитные личности притягивают к себе, себе подобных. И на примере развития русской научной элиты этот тезис себя полностью оправдывает.

Русская культурная элита того обростала родственными связями. Чувствовалось узость их культурного круга общения. Все было рядом и все кому-то приходилось какой-то родней, пусть и дальней, но все-таки были «знакомцами». Так, кровные узы профессора Д.И. Менделеева были тесно связаны с русской поэзией: он был зятем русского поэта П.П. Ершова (автора «Конька-горбунка»), на падчерице которой был женат первым браком и тестем другого великого русского поэта А. Блока, который был женат (1903) на его дочери Любе (1881–1939), актрисе и историка русского балета [1]. Именно она является прообразом «Прекрасной Дамы» Александра Блока.

Знакомство с биографиями многих русских выдающихся деятелей культуры и науки, приводит к мысли о роли случая в развитии русской духовности. Если бы не упорство родителей, многих гениев могло вообще и не появиться на свет. Так, «крестный отец» русской химии Д.И. Менделеев был в семье последним, семнадцатым ребёнком (из семнадцати детей восемь умерли ещё в младенчестве). Его пример прекрасная иллюстрация того, как преступно родителям останавливаться на уже достигнутом успехе. Последние усилия всегда вознаграждаются гениальностью потомства.

Биографии некоторых русских ученых напоминают собой житие русских святых. Так, во многих житиях описывается ранняя тяга будущего святого к праведной жизни и отказ от общения со сверстниками по причине их отставания в духовном развитии. А вот что пишут биографы В.С. Соловьева о его ранних годах: «В товарищах–сверстниках ребенок не нуждался и не искал их, потому что рано их перерос духовно; но ко всему окружающему он относился с такою необыкновенною чуткостью и впечатлительностью, что даже неодушевленными предметам давал имена собственные. Любимый свой ранец с книгами он называл, например, Гришей, а карандаш, который носил обыкновенно на длинном шнурке через плечо, как меч, или на шее, он называл Андрюшей. Эта детская черта вошла затем в основу одной из коренных его философских идей и потому заслуживает особенного внимания» [3]. Помимо этого он придерживался аскетического образа жизни – с детства закалял свой организм, ограничивал в сне и в приеме пищи. И точно также как у святых была тяга к познанию пределов Божиих, так и у наших выдающихся ученых жажда знаний вела их по жизни: «Жажда знания в нем [В.С. Соловьеве] была неутолимая: восьми лет он уже был серьезным знатоком истории и географии, двух любимых своих предметов» [3]. Впрочем, В.С. Соловьев может быть исключением из этого правила, поскольку вся его жизнь напоминает монашескую аскезу.

О своих годах учебы оставил свои воспоминания и выпускник Пажеского корпуса князь П.А. Кропоткин. Особенно ему понравились занятия географией, особенно составление географических карт. Картография стала его лебединой песней. Он помнил многие карты наизусть и, находясь «в полутемном каземате Петропавловской крепости вычерчивал [их] с претензией на художественность» [9, с. 113–114]. Князь с любовью вспоминал, что значительное внимание в Пажеском корпусе уделялось полевым топографическим практикам, требовавшим знаний в сфере геометрии, астрономии и математики [9, с. 136].

У многих видных российских политиков в детстве не всё было ладно с учебой. Некоторые отличились дурным и буйным поведением и лихим умонастроением. Вспоминая по прошествии лет о своем незадачливом опыте в отношении образования, они чаще всего подчеркивали роль самообразования, появившейся в них тяге к самостоятельному изучению того, что стало основой их дальнейшей профессиональной деятельности. Так, например, в 1836 г. будущий министр внутренних дел Российской Империи (1880–1881) Михаил Лорис-Меликов (1825–1888) был определен в московский Лазаревский институт восточных языков, откуда был исключен за мелкое хулиганство [19, с. 428]. Это не помешало ему через 41 год стать генералом от кавалерии (17.04.1875), а затем и почетным членом Императорской академии наук (29.12.1880). [8; 19, с. 428–432] Другая русская политическая знаменитость конца XIX – начала XX столетия граф С.Ю. Витте вспоминал, как в детстве мог запросто вылезти в окно с урока в гимназии, которую посещал нерегулярно и с большой неохотой [3].

Научная элита и царская власть: негативный и позитивный опыт

Система отторгала наиболее выдающихся личностей в силу их политической неблагонадежности. Протестные настроения переводили диалог с властью в конфликт с нею, который

чаще всего завершался острогом, ссылкой или миграцией. В ссылке побывало добрая часть начинающих ученых и философов, которые проявили свою политическую самостоятельность (Н.А. Бердяев, П.Б. Струве, и др.).

Увлеченность общественной деятельностью стоила многим подающим большие надежды молодым ученым их научной карьеры. Классический пример – отец русского научного анархизма князь П.А. Кропоткин. Поворотным моментом в биографии культового революционера-анархиста стал его арест 22 марта 1874 г. и заключение в Петропавловскую крепость. Но мало кому известен тот факт, что накануне вечером в пятницу 21 марта 1874 г. Петр Алексеевич на заседании Географического общества сделал сенсационный доклад о существовании в недалёком прошлом ледниковой эпохи («Исследование о ледниковом периоде»). В нем он объяснял причины древнего оледенения, границы его распространения, как ледники формировали рельеф Европы, сползая в древности от Скандинавии. Сегодня этот труд считается классическим. Значимость сделанного им в науке была столь велика, что по личному распоряжению царя, ему в заключение были предоставлены перо, бумага и возможность работать. Именно в тюрьме и была им написана работа «Исследования о ледниковом периоде», обосновывающая ледниковую теорию, ставшую в последствии одной из важнейших в науках о Земле [10]. Парадокс ситуации заключался в том, что когда в 1876 г. эта работа вышла в свет для широкой публики, её автор был политическим преступником и сидит в крепости.

Попутно отметим, что через застенки Петропавловской крепости в свое время прошли историк Н.И. Костомаров (1817–1885), год отсидевший за свои панславистские мечтания (1847 г.), будущий товарищ министра финансов РИ (1900–1902 гг.) В.И. Ковалевский (1848–1934), в юности тоже год отбыл в казематах (1870–1871) за свою революционную деятельность, 23 года (1882–1905) отсидел Н.А. Морозов (1854–1946), в будущем известный советский академик, [15]. Неоднократно выслались из столицы и ссылались в «глухие провинции» многие видные русские ученые – Н.К. Михайловский (1882, 1891), П.Б. Струве (1901), Н.А. Бердяев (1897–1899) и др. Но эти профилактические меры не идут ни в какие сравнения с теми репрессиями, которые в 1930–1940-е гг. развяжет против своего народа и гражданской элиты сталинизм. Русское самодержавие ограничивалось превентивными мерами, выглядевшими на фоне тоталитарного XX в. как «сказочный либерализм» (именно за это в свое время упрекали главу МВД РИ генерала М.Т. Лорис-Меликова) [11].

В 1897 г. за участие в студенческих беспорядках был арестован, отчислен из университета и сослан в Вологду в будущем самый известный русский философ XX в. Н.А. Бердяев. В 1899 г. был арестован и выслан из университетских городов студент С.Л. Франк (родной дядя лауреата Нобелевской премии 1958 г. И.М. Франка). И даже такие вполне благонадежные философы, как братья С.Н. и Е.Н. Трубецкие в пору первой русской революции (1905–1907 гг.) придерживались кадетских политических взглядов.

Скандалным отношением к русским властям и к России в целом ославился князь-изгой П.В. Долгоруков (1816–1868), который в эмиграции издал целую серию пасквильных работ по истории русского самодержавия. Известными стали мемуары князя, в которых он настолько сильно стусил краски вокруг России, [7] что в немалой степени удивил и даже шокировал главного критика царизма тех лет А.И. Герцена. До отъезда из России князь прославился тем, что издал несколько томов «Русского родословного сборника», в котором дал историческую оценку русской аристократии и дворянства.

Не менее чем пострадавших от власти ученых было и тех, кто оказался обласканным властью и был к ней приближен. Власти привлекали специалистов из научной среды, интегрируя их в свои управленческую и культурную среду. Многие чиновники высшего уровня имели ученые степени и даже избирались в Академию наук. Среди учителей царской фамилии было немало видных деятелей русской науки и культуры, такие как, например, историк В.О. Ключевский или пейзажист и маринист А.П. Боголюбов (1824–1896). Министрами финансов одно время были два заядлых математика – И.А. Вышнеградский (1887–1892) и С.Ю. Витте (1892–1903). Некоторые известные русские ученые становились ректорами крупных университетов: Н.И. Лобачевский, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, С.Н. Трубецкой...

В этой связи весьма примечательным стали выборы первого ректора Императорского Московского университета 2 сентября 1905 г., после возвращения университету автономии. В тот день ректором университета был избран князь-профессор С.Н. Трубецкой. Ему было 43 года. Среди коллег он пользовался уважением и научным авторитетом. Однако это не остановило студенческих волнений, лишивших возможности вести нормальные занятия и 22 сентября Трубецкой принял решение закрыть университет, чем, однако, ещё более накалил обстановку.

Через 27 дней 29 сентября в помещении Министерства народного просвещения в Петербурге у него произошло кровоизлияние в мозг, от которого он скончался [14, с. 5].

Несомненный интерес представляют и рефлексия самих ученых относительно роли и места науки в жизни общества. Так российский академик К.А. Тимирязев (обласканный и царской властью и властью Советской) считал, что «Творчество поэта, диалектика философа, искусство исследователя — вот материалы, из которых слагается великий учёный» [18]. Или вот еще одна его мысль: «Наука не может двигаться по заказу в том или другом направлении; она изучает только то, что в данный момент созрело, для чего выработались методы исследования... Наука всегда идет своим путём, таровато рассыпая по сторонам бесчисленные драгоценные приложения, и только крайняя близорукость может ловить приложения, не замечая, откуда они сыплются» [18].

Проблема признания научной элитности

Как правило, входившие в научную элиту лица отличались высокой степенью оригинальности, что привлекало к ним общественное внимание. Но эта оригинальность могла носить и отрицательные качества и даже становиться роковыми причинами их гибели. Популярным человек становится тогда, когда о нем начинают рассказывать истории, в которых он принимал якобы участие. Этот жанр называется исторический анекдот. В науке об ученых существует целая область околонучных историй, в которых проявляется любовь или критическая оценка их деятельности. Причем часто именно сами ученые и создают о себе подобного рода мифологемы. Оригинальность означает выход за рамки стандартности, проявление своей самобытности и самостоятельности.

У великих были свои странности и причуды, вызывавшие в обществе немалые удивления. Чего, например, стоит увлечение философа В.С. Соловьева спиритизмом и скипидаром. Один из его биографов вспоминал: «Комната, где он жил, обыкновенно пропитывалась запахом скипидара. Этой жидкости он придавал не то мистическое, не то целебное значение. Он говорил, что скипидар предохраняет от всех болезней, обрызгивал им постель, одежду, бороду, волосы, пол и стены комнаты, а когда собирался в гости, то смачивал руки скипидаром пополам с одеколоном и называл это шутя «Bouquet Solovieff». ... Неоднократно старались друзья предостеречь его относительно опасности злоупотребления скипидаром, но он до самого последнего времени проявлял необычайное упрямство в этом вопросе» [3]. «За «очистительный от бесов терпентин» он ... поплатился жизнью, исподволь отравил себя скипидаром» [13, с. 560].

За подобными рассказами стояло то уважение, которое русский человек испытывал к деятелям науки. Исторический анекдот утверждает, что автор периодической системы Д.И. Менделеева прославился еще и умелым «производством чемоданов». Покупая материалы для производства своих чемоданов, он обычно заходил на Гостиный двор. Однажды, когда учёный зашёл с этой целью в хозяйственную лавку, он услышал за своей спиной такой диалог: «Кто этот почтенный господин?» – «Неужели не знаете? Это же известный чемоданных дел мастер Менделеев», – с уважением в голосе ответил продавец [17].

Научная мысль последних десятилетий существования Российской империи пыталась прорваться и отчасти прорывалась на мировой уровень, но для того, чтобы стать полноценным участником этих системных отношений ей не хватало малого – авторских прав на научные открытия и полноценного мирового признания. В эти годы выдающийся русский естествоиспытатель, основоположник русской и британской научных школ физиологов растений К.А. Тимирязев (1843–1920) отмечал: «Возьмите теперь любую книгу иностранного научного журнала, и вы почти наверняка встретите русское имя». [18]. Мировое признание к российским ученым в эти годы стало приходить особенно часто. Все тот же К.А. Тимирязев был профессором Московского ун-та, член-корреспондентом РАН (1890), а также членом Лондонского королевского общества (с 1911 г.), Почётным доктором Кембриджа, университетов Женевы и Глазго.

Однако была и другая сторона медали – проблема признания приоритета в научном открытии. На примере Д.И. Менделеева и А.С. Попова мы видим, как выдающиеся представители научной элиты Российской империи оказывались не в полнее конкурентноспособными. Это было следствием как недостаточного уровня развития самой научной традиции в России, так и общественной востребованности результатов ее деятельности. В силу этого многое было растрачено и утрачено. Научная элита Российской империи явно не хватало системной концентрации. Последние представители русской имперской научной элиты были популяризированы уже в советское время (И.П. Павлов, К.А. Тимирязев, И.В. Мичурин, Э.К. Циолковский, В.И. Вернадский). Некоторые были репрессированы или подверглись гонениям (В.М. Бехтерев, Н.И. Вавилов, П.А. Флоренский, П.Н. Савицкий, Л.Н. Гумилев и др.), многие были вынуждены эмигрировать (Н.А. Бердяев, П.А. Сорокин, И.Р. Пригожин и др.) и стать достоянием

западных научных сообществ. «Философский пароход» стал символом изгнания элитных умов из России. [12, с. 113–137] В эмиграции оказалось тысячи талантливых ученых и инженерных специальностей: И.И. Сикорский [создал первые в мире многомоторные самолеты и первый в мире успешный вертолет], В.К. Зворькин [первый в мире телевизор], С.М. Прокудин–Горский [первая в мире цветная фотография], К.М. Веригин [создал Панель № 5], М.М. Струков [создатель первого реактивного военно–транспортного самолета в США], В.В. Леонтьев [самый известный американский экономист XX в.] и др. Такого интеллектуального расточительства не знала еще ни одна страна в мировой истории. Финал печальный. Но не для истории русской имперской научной элиты, след которой остался на страницах мировой истории.

Отношение западного научного сообщества к русской науке наглядно характеризует история с Нобелевской премией Д.И. Менделеева. Известно, что он трижды выдвигался иностранными учёными на Нобелевскую премию (в 1905, 1906 и 1907 гг.) и все три раза неудачно – предпочтение отдавалось более знаменитым западным ученым, которых сегодня мало кто вспомнит. В 1907 г. его кандидатура было все–таки выбрана, но 2 февраля учёный ушёл из жизни. Многие вспомнили о существовавшем конфликте Д.И. Менделеева с братьями Нобелями (на протяжении 1880–х гг.), которые, пользуясь кризисом нефтяной промышленности и стремясь к монополии на бакинскую нефть, на её добычу и перегонку, с этой целью спекулировали «дышащими интригой слухами» о её истощении. Д.И. Менделеев доказал обратное и оказался абсолютно прав. Нефть в Баку добывают и до сих пор, благополучно забыв обвинения ученого в хищническом потреблении углеводородов нефтедобытчиком Л.Э. Нобелем [2].

* * *

Проведенный нами анализ указывает на то, что российская наука поднялась в это время до уровня мировых стандартов. Она уже практически на равных разговаривала с ведущей западной наукой, успешно интегрировалась в ее интеллектуальное пространство и была соавтором многих ведущих научных проектов. Однако кровавые события русской революции положили предел ее конструктивному развитию. Оставшиеся в России научные кадры еще не одно десятилетие составляли славу и гордость этой страны (и др.). Но революционные потрясения привели к тому, что научная мысль была отброшена назад по многим направлениям своего развития. В жизни науки вмешался идеологический фактор и жернова сталинских репрессий угробили немало выдающихся научных умов, которые ныне составляют гордость российской науки. Можно сказать, что развитие научной элиты России было прервано на самой вершине ее предельных возможностей. Университетские традиции, научные школы и достижения были разбросаны затем революционным вихрем и потребовались десятилетия, чтобы восстановить прежние достижения, вернуть российскую науку в число мировых наук.

Список литературы

1. Блок Л. Д. Классический танец: История и современность/ Вступит. слово В. Гаевского. М.: Искусство, 1987. — 556 с.
2. Блох А.М. «Нобелиана» Дмитрия Менделеева // Природа. №2, 2002.
3. Величко В.Л. Владимир Соловьев. Жизнь и творения. С прил. рис. И.Е. Репитна, портр. и факс. СПб.: печ. Р. Голике, 1902. — 205 с., .
4. Витте С.Ю. Воспоминания: в 3–х т. / С. Ю. Витте. Т. 1: 1849–1894 Детство. Царствования Александра II и Александра III / авт. предисл. А. В. Игнатъев. – Таллин; М.: «Скиф Алекс», 1994. – 528 с.
5. Витте С.Ю. Воспоминания: в 3–х т. / С. Ю. Витте. Т. 2: 1894–1905 Царствование Николая II. – Таллин; М.: «Скиф Алекс», 1994. – 576 с.
6. Дневник государственного секретаря: в 2 т. / А.А. Половцов. М.: Центрполиграф, 2005. – 603с.
7. Записки князя Петра Долгорукова. / Пер. с фр. А.Ю. Серебрянниковой; вступит. ст., примеч. и указатель С.Н. Исколю. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2007. — 640 с.
8. Костанян Ю. Л. Граф Михаил Тариелович Лорис–Меликов. СПб., 2005. — 234 с.
9. Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Мысль, 1966. С.113–114.
10. Кропоткин П.А. Исследования о ледниковом периоде. СПб., 1876. – 827 с. разд. паг. (Записки ИРГО по общей географии; Т.7)
11. Ляшенко Л.«Бархатный диктатор». Как Михаил Лорис–Меликов усмирял революцию либеральными реформами // Московские новости. 14.03.2012.
12. Макаров В.Г., Христофоров В.С. Пассажиры «философского парохода» (судьбы интеллигенции, репрессированной летом—осенью 1922 г.) // Вопросы философии. 2003. №7. С.113–137.
13. Маковский С.К. На Парнасе Серебряного века. М.: XXI век–Согласие, 2000. С.560.
14. Маслин М.А. С.Н. Трубецкой как русский философ с.3–14 // Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. М.: ВЛАДОС; Русский двор, 1997. – 576с.
15. Серпокрьл С. Узники Петропавловской крепости. Л.: Лениздат, 1969. – 440с.
16. Спендель Д. Строительницы струн. Женщина, творчество, литература. СПб.: «Петербург–XXI век», 2007.
17. Степин Б. Д., Алибекова Л. Ю. Книга по химии для домашнего чтения. 2–е издание. М.: Химия, 1995.
18. Тимирязев К.А. Наука и демократия. Сборник статей 1904–1919 г. Ленинград: «Прибой», 1926. – 432 с.
19. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. СПб., 2002.

References

1. Vorontsov S.A. Vzaimootnosheniya politicheskikh i religioznykh sistem: filosofsko-pravovoy analiz. Monografiya. – Rostov n/D.: Rostovskoe knizhnoe izdatelstvo, 2013. 192 s.
2. Vorontsov S.A., Belousov V.T. Vzaimootnosheniya federalnoy i regionalnoy elit kak faktor obespecheniya edinstva strany. Lider, elita, region: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, 27–28 oktyabrya 2014 g., Rostov-na-Donu. – Rostov n/D.: Izd-vo YuRIU RANKhiGS, 2014. S. 96–98.
3. Gaman-Golutvina O.V. Politicheskie elity Rossii: vekhi istoricheskoy evolyutsii. M.: ROSSPEN, 2006.
4. Dmitriev A.V., Karabushchenko P.L., Klochkov G.V., Usmanov R.Kh. Yug Rossii v migratsionnom i etnokolliktnom izmereniyakh. – Astrakhan: Astrakhanskiy gosudarstvennyy universitet, Izdatelskiy dom «Astrakhanskiy universitet», 2010. – 233 s.
5. Karabushchenko P.L. Natsionalnaya ideya sovremennoy Rossii: strana, derzhava, imperiya // Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura. №2 (39), 2014. S.151–157.
6. Karabushchenko P.L. Istoricheskaya elitologiya o roli i meste elit v istorii // Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura. 2011. № 2 (27). – S.243–249.
7. Karabushchenko P.L. Triady politicheskogo soznaniya: massy – elity – lidery. monografiya. Astrakhan: Izd. dom «Astrakhanskiy un-t», 2004. – 316s.
8. Karabushchenko P.L. O politicheskom vysokomerii sovremennykh rossiyskikh ultra-liberalov // Voprosy elitologii: filosofiya, kultura, politika. T.9–10. 2013. (216s.) S.194–201.
9. Klub regionov. Volgograd 20 yanvarya 2012– <http://club-rf.ru/34/news/24326>,
10. Kryshantovskaya O.V. Anatomiya rossiyskoy elity. M., 2005. S. 66.
11. Kuchumov V.I. Osobennosti formirovaniya regionalnykh elit v sovremennoy Rossii. M.: Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena, №44 /tom 18/, 2007. S. 148.
12. Odinochestvo «varyaga». 6 marta 2013 g. <http://expert.ru/2013/03/6/odinochestvo-varyaga/>
13. Podvintsev O.B. Gubernatory – «varyagi» i regionalnye politicheskie elity v sovremennoy Rossii. M.: «Politeks», 2009. №2. S. 57.
14. Ponedelkov A.V., Starostin A.M. Liderstvo–elitnaya proektsiya politicheskikh protsessov sovremennoy Rossii: itogi issledovaniy poslednego 20-letiya (1994–2014 gg.). Informatsionno–analiticheskie materialy nauchno–prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Lider, elita, region», 27–28.10.2014 g., Rostov-na-Donu – Rostov n/D: Izd-vo: YuRIU RANKhiGS, 2014. 112 s.
15. Ponedelkov A.V., Usmanov R.Kh., Grishin N.V., Baranov A.V., Shashkova Ya.Yu. Rossiya v globalnom mire: instituty i strategii politicheskogo vzaimodeystviya // Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura. 2013. № 1 (33). S. 327–340.
16. Rudoy V.V., Shutov A.Yu., Ponedelkov A.V., Starostin A.M., Vorontsov S.A., Cherkasova T.P., Zmiyak S.S., Kuzina S.I., Lyakhov V.P.. Sovremennye regionalnye elity (sotsiologicheskii analiz). Informatsionno–analiticheskie materialy. Rostov-na-Donu, Izdatelstvo YuRIF RANKhiGS, 2013. 184 s.
17. Usmanov R.Kh. Regionalnyy partogenez v politicheskom protsesse sovremennoy Rossii (Yuzhnyy federalnyy okrug v 1990-e gody). – M.: Prometey. MPG.U, 2002. S.– 302s.
18. Usmanov R.Kh. Etnopoliticheskaya bezopasnost Yuga Rossii v aspekte vliyaniya molodezhnykh radikalnykh obedineniy na migratsionnye protsessy i konfliktoyennost // Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura. 2013, № 4 (37). S. 44–54
19. Elitologiya Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya (Materialy Pervogo Vserossiyskogo elitologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiem, 7–8 oktyabrya 2013 goda, YuRIF RANKhiGS, Rostov-na-Donu). Tom 1, 2. Rostov-na-Donu, Izdatelstvo YuRIF RANKhiGS, 2013.
20. Elitologiya: Entsiklopedicheskii slovar. /Pod red. prof. P.L. Karabushchenko. – M.: «Ekon-inform», 2013. – 618 s. (77,5 p.l.)
21. YuFO umenshilsya na sem regionov Severnogo Kavkaza // Komsomolets Kaspiya. № 6 (6547). 22 yanvarya 2010 g.

**ЖУРНАЛИСТСКАЯ ЭЛИТА ГЕРМАНИИ И ПРОБЛЕМЫ СУВЕРЕНИТЕТА
НАЦИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ**

Лебедева Ирэна Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент

Каспийский институт морского и речного транспорта
414000, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Никольская, 6/14
E-mail: irenalebedeva@mail.ru

Во время Первой холодной войны Запад часто обвинял СССР в том, что советские журналисты полностью идеологизированы и полностью обслуживают идеологию КПСС. В противоположность им они приводили западные СМИ – образец подлинной свободы слова, честности и не продажности. Прошло четверть века и начинают открываться подлинное лицо западной журналистики. Выясняется, что все те обвинения, которые они выдвигали против своих советских оппонентов, с полным основанием могут быть отнесены и к ним самим. Запад, по сути, превратился в Советский Союз самого худшего своего образца.